

и T^1P^2 — во вторичной). Коммуникативный эффект представляет собой результирующую многочисленных сил воздействия текста, соответствующих его функционально-целевым характеристикам. Однако подобно тому как исходная коммуникативная интенция модифицируется в процессе вторичной коммуникации, коммуникативный эффект варьируется в конечном звене процесса двуязычной коммуникации в соответствии с характеристиками конечного получателя.

Наконец, остаются еще два звена коммуникативной цепи, характеризующиеся особым типом прагматических отношений, — это $T—P$ (исходный текст — переводчик-получатель) и $O^1—T^1$ (переводчик-отправитель — конечный текст). Выше отмечалось, что полное слияние личности переводчика с личностью автора возможно лишь в идеале. Более того, лишь в идеальной схеме возможен переводчик, не только полностью "вошедший в образ" автора, но и воспринимающий исходный текст с позиций носителя исходного языка и исходной культуры. Таким образом, и здесь приравнивание друг к другу соответствующих звеньев первичной и вторичной коммуникативных цепей носит в известной мере условный характер.

КОММУНИКАТИВНАЯ ИНТЕНЦИЯ ОТПРАВИТЕЛЯ

В разделе, посвященном типологии переводческой эквивалентности, выделялись три взаимосвязанных элемента следующей триады: 1) коммуникативная интенция (цель коммуникации), 2) функциональные параметры текста и 3) коммуникативный эффект. Эти элементы соответствуют трем компонентам речевого акта — отправителю, тексту и получателю. Применительно к переводу соотношение между элементами триады может быть сформулировано следующим образом: переводчик выявляет на основе функциональных доминант исходного текста лежащую в его основе коммуникативную интенцию и, создавая конечный текст, стремится получить соответствующий этой интенции коммуникативный эффект. Отсюда вытекает важность учета функциональных параметров текста для обеспечения основного условия эквивалентности — соответствия между коммуникативной интенцией отправителя и коммуникативным эффектом конечного текста.

Выше отмечалась необходимость разграничения различных типов функциональной эквивалентности: референтной, экспрессивной, конативной, фатической, металингвистической и поэтической (термины Р.О. Якобсона). О референтальной эквивалентности и о применяемых для ее достижения трансформациях речь уже фактически шла в предыдущей главе, посвященной семантическим аспектам перевода.

Экспрессивная эквивалентность обеспечивается адекватной передачей экспрессивно-эмотивной коннотации текста. Переводчик при этом соизмеряет экспрессивность конечного и исходного текстов, учитывая, что внешне однотипные средства языка подлинника и языка перевода иногда резко отличаются друг от друга по степени экспрессивности. Отсюда следует, что механическое копирование стилистических средств подлинника не ведет к достижению требуемого коммуникативного эффекта.

Интересный пример подобного буквализма на синтаксическом уровне приводит И. Кашкин в статье "Ложный принцип и неприемлемые результаты", направленной против формалистических установок переводческой школы Е. Ланна: *Out came the chaise — in went the horses — on sprang the boys — in got the travellers* (Ch. Dickens. *Pickwick Papers*) — "Карету выкатили, лошадей впрягли, форейторы вскочили на них, путешественники влезли в карету" (перевод Е. Ланна).

<<Английский текст передан технологически точно, — комментирует этот перевод И. Кашкин, — но беда в том, что лошади кажутся деревянными, форейторы манекенами, карета игрушечной... переводчик, путаясь в глагольных формах и повторах, не видит того, что стоит за английской фразой и что ощутил Иринарх Введенский. В одном издании его перевода находим: „...Дружно выкатили карету, мигом впрягли лошадей, бойко вскочили возницы на козлы, и путники поспешно уселись на свои места"... Он взамен искусственных инверсий играет на... четырех введенных им наречиях: *дружно, мигом, бойко, поспешно* — и, передав самую функцию диккенсовской инверсии, вызывает у читателя нужное ощущение напряженной спешки...>> [Кашкин, 1977, 386].

Как видно из данного примера, экспрессивная эквивалентность потребовала известных сдвигов в референциальном содержании (ср. введенную в текст цепочку обстоятельственных слов). Однако эти сдвиги не нарушают общности смыслового содержания подлинника и перевода. В комментарии И.А. Кашкина обращает на себя внимание тонкое наблюдение, согласно которому И. Введенский передает саму функцию диккенсовской инверсии. Именно в этом и заключается основной принцип функциональной эквивалентности.

В переводе необходимо различать экспрессию, источником которой является сам автор текста, и ту, которая исходит от изображаемых в тексте персонажей. Вот один из примеров стилистических приемов, используемых для передачи авторской экспрессии: *How was she to bare that timid little heart for the inspection of those young ladies with their bold black eyes?* (Thackeray) — "Как могла Эмилия раскрыть свое робкое сердечко для обозрения перед нашими востроглазыми девицами?"

Здесь ироническая коннотация в английском тексте находит свое выражение в отборе лексических средств — в насмешке, облеченной в форму положительной характеристики (*that timid little heart*). В русском варианте аналогичным целям служит уменьшительный аффикс (*робкое сердечко*).

Ср. сходный пример из того же произведения ("Ярмарка тщеславия" Тэккерея): *Poor little tender heart! and so it goes on hoping and beating, and longing and trusting* — "Бедное нежное сердечко! Оно продолжает надеяться и трепетать, тосковать и верить".

Рассмотрим несколько примеров экспрессии, характеризующей речь персонажей. Как правило, это формы экспрессии, специфичные для разговорной речи. Ср., например, использование такого характерного для русской разговорной речи экспрессивного средства, как *i* автологический эпитет у Достоевского: ...об заклад бьюсь, что он ездил вчера к нему на чердак и прощения у него на коленях просил, чтобы эта злая злючка удостоила сюда переехать — *I'd bet he'd been to see*

him in bis attic and begged bis pardon on bis bended knees so that this spiteful little horror should deign to move to bis house.' В английском тексте эта отрицательная экспрессия передается с помощью сочетания пейоративных эпитетов spiteful little horror.

Серия пейоративных эпитетов в сценах ссор, перебранок и т.п. часто сопровождается при переводе на английский язык многократным повтором личного местоимения you: И не стыдно, не стыдно тебе, варвар и тиран моего семейства, варвар и изувер! Ограбил меня всего, соки высосал и тем еще недоволен! Доколе переносить я тебя буду, бесстыжий и бесчестный ты человек! (Достоевский) — Aren't you ashamed, aren't you ashamed of yourself, you cruel, inhuman wretch, you tyrant of my family, you, inhuman monster, you! You've robbed me of everything, sucked me dry, and you're still dissatisfied. How much longer am I to put up with you, you, you shameless and dishonest man!

Замена одного экспрессивного приема другим часто обусловливается уникальностью исходного языкового средства. Так, в приведенном ниже отрывке из "Майора Барбары" Б. Шоу используется конверсия — вербализуется насмешливо цитируемая фраза собеседника:

Je n n y. Oh God forgive you! How could you strike an old woman like that?

В и л л. You Gawd forgive me again and I'll Gawd forgive you one on jaw that'll stop you praying for a week —

"Д ж е н н и. Прости вас боже! Как вы могли ударить старую женщину?"

Б и л л. Сунься-ка еще раз с этим твоим "прости вас боже", так я тебя так прощу по роже, что ты на неделю забудешь молиться".

Здесь в основу перевода положен компенсационный прием: вместо конверсии используется рифма: "прости вас боже" — "прощу по роже".

При передаче конативной (волеизъявительной) функции переводчик приравнивает друг к другу английские модальные вопросительные предложения и русские повелительные предложения: "May I speak to Mr. Brown, please" — *Позовите, пожалуйста, господина Брауна* (из телефонного разговора); "Won't you sit down" — *Садитесь, пожалуйста;* "Joan, would you please get the Stapler for me?" — *Дай мне, пожалуйста, машинку для скрепок, Джоун.*

Иногда формулы волеизъявления переводятся на основе устойчивых лексико-синтаксических соответствий: "I wish I could see him just once" — *Хоть бы разок на него посмотреть.*

Установка на поддержание контакта, специфичная для "фатической" эквивалентности, также реализуется по-разному в разных языках. Порой наблюдается омонимия фраз, выступающих в фатической и референтной функциях. Ср. следующий пример из Б. Шоу, где обыгрывается буквальный смысл англ. of course, одного из речевых сигналов, используемых для поддержания контакта между собеседниками:

L a d y B r i t o m a r t. Now are you attending to me, Stephen?

S t e p h e n. Of course, mother.

L a d y B r i t o m a r t. No, it's not of course. I want something more than your everyday matter-of-course attention —

"Леди Бритомарт.' Теперь ты меня слушаешь, Стивен?"

С т и в е н. Само собой, мама.

Леди Бритомарт. Нет, не само собой, Стивен. Мне не нужно такое внимание, которое само собой разумеется".

Иногда "фатический" речевой сигнал приобретает особую форму, детерминируемую социальной ситуацией. Ср., например, "Yes, Sir" у Б. Шоу, используемое как маркер асимметрии ролевых отношений (при обращении младшего к старшему, например в армии):

Tall boys . Private Meek.

Meek. Yessir —

"Толбойс. Рядовой Миик!

Миик. Слушаю, сэр".

Противоречие между языковой формой и выполняемой ею функцией разрешается в процессе перевода в пользу функции. Ср., например, перевод вопросительной по форме фразы (How do you do?), используемой в качестве ритуальной формулы установления контакта (из Б. Шоу);

Mrs. Eynsford Hill. My daughter Clara.

Liza. How do you do?

Clara. How do you do? —

"Миссис Эйнсфорд Хилл. Моя дочь Клара.

Элиза. Очень приятно.

Клара. Очень приятно".

Особо остро вопрос о соотношении формы и функции стоит в тех случаях, когда в фокусе высказывания оказывается форма, не воспроизводимая в переводе. Это, в частности, относится к передаче металингвистической функции, характеризуемой установкой на сам язык, на его формы: Do you remember when you wrote to him to come on Twelfth Night, Emmy, and spelled twelfth without the f (Thackeray) — «—...Помнишь, Эмми, как ты его пригласила к нам на крещение и написала „и" вместо „е"?» Орфографическая ошибка, о которой идет речь в письме персонажа "Ярмарки тщеславия" Бекки (twelfth вместо twelfth), передается в переводе с помощью компенсационного приема ("крещенье" вместо "крещение").

Наконец, "поэтическая" эквивалентность (установка на выбор формы) допускает еще большую свободу при установлении соответствий на референтном уровне. Показательный пример стратегии перевода, связанный с передачей этой функции, приводит И. Левый:

Ein Wiesel

Sass auf einen Kiesel

inmitten Bachgeriesel...

Эти строки из стихотворения К Моргенштерна "Эстетическая ласка" М. Найт перевел на английский язык следующим образом:

A weasel

Perched up on an
easel Within a patch
of teasel...

В комментарии к этому переводу переводчик добавил, что эти строки можно было также перевести:

A ferret

nibbling a carrot
in a garret

или:

A mink
sipping a drink
in a kitchen
sink...

Оценивая эти переводы, И. Левый приходит к выводу о том, что в данном случае существеннее игра на рифме, чем зоологическая и топографическая точность значения отдельных слов (так, сидящая в журчащем ручье ласка переносится на мольберт, на чердак, в кухонную раковину, превращается в хорька и в норку) [Левый, 1974,144]. По-видимому, в этом стихотворении "поэтическая" функция текста полностью отесняет на задний план референтную функцию. Из сказанного, казалось бы, можно сделать заключение о том, что в некоторых случаях "формальная" эквивалентность может перевешивать эквивалентность на более высоких уровнях, в том числе прагматическом. Однако на самом деле это не так. По сути дела, выдвигание на первый план формального подобия определяется функциональными доминантами этого текста, задуманного как словесная игра, и, таким образом, соответствует коммуникативной интенции автора, т.е. прагматической мотивации текста. Иными словами, перевод М. Найта эквивалентен оригиналу в прагматическом отношении, но неэквивалентен ему на более низком (семантическом) уровне.

Сходные приемы используются и в других связанных с передачей словесной игры случаях. Например, при переводе каламбуров, на котором мы уже останавливались в связи с проблемой переводимости (гл. III).

Наряду с анализом на уровне функциональных доминант текста целесообразен также учет типологии высказываний, восходящий к Дж. Остину [Austin, 1962] и Дж. Сёрлю [Searle, 1969]. Для перевода представляется существенным учет расхождений в языковом выражении одних и тех же типов высказываний в разных языках. Список речевых актов, исследуемых этими учеными и их последователями, включает сообщения, просьбы и приказы, вопросы, запреты, позволения, требования, возражения, поручения, гарантии, обещания, предостережения, угрозы, советы, наставления, акты "этикетного поведения" (behabitives) [Вежбицка, 1985,251—275].

Следует иметь в виду, что для некоторых из этих высказываний существуют жесткие, ритуальные формулы в разных языках. Так, например, существуют стандартные формулы запретов, обычно фиксируемые в объявлениях: "Курить воспрещается" — "No smoking"; "По газонам не ходить" — "Keep off the grass"; "Вход запрещен" — "No entry"; "Вход с домашними животными запрещен" — "No pets allowed."

Одной из самых распространенных трансформаций здесь является антонимический перевод. Характерная особенность этих трансформаций — неупотребление в английских вариантах глагола-перформатива, эксплицитно называющего данное действие (запрет) (например, *smoking is prohibited).

Грамматическая трансформация является в ряде случаев необходимым условием перевода устойчивых ритуальных формул, закреп-

ленных за определенными речевыми актами. Ср., например, трансформацию английского вопросительного предложения в русское повелительное предложение при переводе формулы приведения свидетеля к присяге:

'Do you solemnly swear to tell the truth, the whole truth and nothing but the truth, so help you God?'

I do' —

"— Торжественно поклянитесь говорить правду, только правду и ничего, кроме правды, да поможет вам бог!

— Клянусь".

Иногда перевод ритуальных формул влечет за собой более сложные семантические и синтаксические преобразования: But just then, and before he could say anything more, a resounding whack, whack from somewhere. And then a voice: "Order in the Court! His Honor, the Court! Everybody please rise!" (Dreiser) — <<Но не успел он вымолвить и слова, как раздался оглушительный стук и чей-то голос произнес: „Суд идет! Прошу встать!">>

Перевод восклицания судебного пристава требует опущений ("Order in the Court!" = 0), смысловых сдвигов (деятель — действие: His Honor, the Court! — Суд идет!) и др.

Не менее сложные трансформации влечет за собой порой перевод устойчивых формул речевого этикета (behabitives): "See you later, Mary" — Пока, Мэри..., "Be seeing you, John" — Ну будь здоров, Джон; The two cadets exchanged the careless 'See you's' that people say when they know they will see each other again in a few hours (Life) — «Курсанты обменялись небрежным „Пока", которое произносится, когда люди знают, что им предстоит снова увидеться через несколько часов».

Русские эквиваленты этих формул речевого этикета подыскиваются как "готовые блоки", соответствующие данной коммуникативной ситуации (прощание, неформальные ролевые отношения между собеседниками).

УСТАНОВКА НА ПОЛУЧАТЕЛЯ

Рассмотрим следующее звено в коммуникативной цепи, представленное элементами ТП в первичной коммуникации и Т'П² во вторичной. Основной прагматической установкой, характеризующей это звено, является учет расхождений в восприятии одного и того же текста со стороны носителей разных культур, участников различных коммуникативных ситуаций. Здесь сказываются различия в исходных знаниях, представлениях, интерпретационных и поведенческих нормах. По сути дела, этот раздел весьма наглядно подтверждает мысль о том, что "область лингвистической прагматики не имеет четких контуров" [Арутюнова, Падучева, 1985, 41]. В самом деле, круг вопросов, входящих в сферу прагматических отношений "текст—получатель", тем более в ситуации, при которой первичные коммуникативные отношения проецируются на вторичные, настолько широк, что едва ли может быть исчерпывающе освещен в рамках настоящего раздела. Поэтому мы ограничимся лишь некоторыми из многочисленных переводчес-